

— Не надо пробовать, я неправильно использовала густые сливки для этой порции, слишком густо и слишком сладко.

Цзян Цяньфань, словно не слыша ее, взял ложку:

— Действительно.

Зачерпнув вторую порцию, Линь Кэсун снова сказала:

— Я заменила их на нежирные сливки, он потерял свою насыщенную текстуру.

Цзян Цяньфань все еще пробовал. Он не стал делать никаких других замечаний, а пальцем придвинул третью порцию поближе.

— В этой порции... морковь и аромат сливок, мне не удалось найти баланс, вязкость тоже не та.

Линь Кэсун желала, чтобы он остановился и не сыпал ей соль на рану.

Очевидно, что, помешав ложкой и понюхав суп, можно было заметить его недостатки, и не было необходимости, чтобы Цзян Цяньфань пробовал его на вкус.

— Твой выбор использовать сливки без жира — правильный, использовать масло для обжаривания моркови — тоже, но не думала ли ты когда-нибудь использовать сливки и молоко в пропорции один к одному?

Цзян Цяньфань был спокоен, а Линь Кэсун волновалась совсем по-другому.

— Но если во время шоу мне придется готовить морковный суп со сливками, господин Цзян, даст ли конкурсная комиссия еще один шанс, или еще три или четыре? Позволят ли они вам подойти ко мне, чтобы вот так руководить мной?

Линь Кэсун впервые использовала встречный вопросительный тон по отношению к Цзян Цяньфаню.

— Конечно, нет.

— Итак, господин Цзян, я никогда не понимала, почему вы не выберете участника, которого легче учить, чем меня? Хотя... хотя бы такого талантливой, как Брюс, которого нужно лишь немного направить, и он сможет совершенствоваться скачками? Все, что вы имеете сейчас, досталось вам нелегко, разве вы не должны беспокоиться о себе?

Линь Кэсун не могла понять. Вообще-то, с первого дня своего приезда она ничего не могла понять.

Но еще месяц назад она считала, что сможет спокойно оставаться здесь, даже ничего не понимая, нужно только приложить максимум усилий.

Но сейчас такое «непонимание» заставляло ее чувствовать давление.

— Почему ты считаешь себя человеком без таланта? Почему ты считаешь, что ты не так хороша, как Брюс? Почему ты считаешь, что, выбрав тебя, я не смогу защитить себя?

Голос Цзян Цяньфаня был спокоен, как всегда, даже если бы брови Линь Кэсун горели, он был бы спокоен, как гора, а лицо было бы неизменным.

— Что? Я не знаю названий стольких приправ и ингредиентов! Я даже не могу приготовить лапшу с грибным фаршем и свининой, которая бы соответствовала вашему вкусу! И теперь, даже перед морковным супом со сливками для начинающих, я беспомощна... Прошел уже месяц, вы привели меня на заднюю кухню лучшего ресторана, а я все еще ничего не добилась...

— Итак, ты сейчас обвиняешь меня в том, что я не научил тебя как следует, я прав?

Цзян Цяньфань повернул голову к ней, холодный флуоресцентный свет упал на его лицо, контраст между светом и тенью был так ясен, его лицо в тени было изящным, но загадочным, а его брови под светом были похожи на металлическую скульптуру, которая была вырезана с точностью и в нее нельзя было ничего добавить.

— Это не так, вы уже научили меня многим вещам, о которых я раньше не знала...

«Ты очень хорош».

«Настолько хорош, что доведен до совершенства, от чувства вкуса до кулинарных способностей, и даже эта сердечная одержимость и упорство в стремлении к совершенству — все это заставляет меня бояться».

«Страх, что я разрушу это совершенство».

— Значит, ты обвиняешь меня в том, что я не последовал примеру других хороших учителей, которые ободряли бы тебя в хорошие и плохие времена?

— Дело не в этом, у вас нет проблем, дело во мне.

Линь Кэсун наконец-то поняла, что равнодушие Цзян Цяньфаня было своего рода упорством, уверенностью в том, что все не будет разрушено, если сердце останется спокойным.

Ничто не заставит его передумать, даже если это будет реальность.

— Проблема во мне, у которой даже нет потенциала.

Цзян Цяньфань ухватился за край стола и медленно встал.

В его взгляде не было никаких чувств, но чувствовалась неопишуемая гордость.

— Значит, только что ты хотела порезать палец, и я даже не смог бы возразить, если бы ты снялась с соревнований из-за травмы, верно?

Линь Кэсун перестала дышать, всеми силами стараясь не дать ему ни малейшей зацепки.

Но ее сердце заколотилось сильнее против воли, потому что она никогда не думала, что мысль, которая пришла ей в голову на эту долю секунды, будет обнаружена Цзян Цяньфанем.

«Как такое возможно?»

— Нет.

— Кэсун, я тоже не знаю, что делать, чтобы ты обрела уверенность в себе. Может, мне не занимать столь высокого положения наставника, а быть обычным парнем, чтобы ты чувствовала себя любимой и защищенной? Я думал, что ты уже взрослая женщина, очень сильная и решительная, но, похоже, я ошибался.

Линь Кэсун впервые была озадачена словами Цзян Цяньфаня.

Какой нормальный парень?

Какая любовь и защита?

Что хотел сказать Цзян Цяньфань?

— Если ты чувствуешь, что такие слова сделают тебя смелее, то я могу это сделать.

Его голос был очень спокойным, настолько спокойным, что небо и земля даже не посмели бы его изменить.

— Что... сделать?

Этот человек всегда четко формулировал свои потребности и цели, его эмоции редко просачивались наружу, но понять его было несложно.

Но в данный момент Линь Кэсун не могла понять ни одного его предложения.

Цзян Цяньфан протянул руку и положил ее на лицо Линь Кэсун. Его ладонь была очень теплой, словно поддерживала все вокруг.

Слезы, которые она так долго сдерживала в себе, так и полились.

Она никогда еще не чувствовала себя такой слабой, даже когда уходила с экзаменационной площадки, зная, что провалила экзамен, она смеялась про себя, что это не страшно, что в следующем году она сможет сдать экзамен снова.

Но ее слабость была не из-за кого-то другого, а из-за мужчины, стоящего перед ней.

Он вытер пальцем влагу с ее глаз и слегка вздохнул.

— Прости, Кэсун.

Линь Кэсун показалось, что у нее начались галлюцинации.

Как слово «прости» могло прозвучать из уст Цзян Цяньфана?

— Я не только хочу, чтобы ты была рядом со мной, но и надеюсь, что ты будешь уверенной и смелой. Поэтому мне следовало сделать это раньше.

Что сделать?

Линь Кэсун еще не все поняла, когда Цзян Цяньфань, повернувшись, чтобы погладить ее по затылку, вдруг притянул ее к себе.

Это была самая большая сила, которую Линь Кэсун когда-либо ощущала в своей жизни, она рухнула в его объятия и изо всех сил попыталась приподнять голову.